

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 84 (3895)

Вторник, 15 июля 1958 г.

Цена 40 коп.

Из всех уголков земного шара съезжаются в эти дни в столицу Швеции — Стокгольм — посланцы миролюбивых народов, обединяющих усилия для того, чтобы предотвратить угрозу атомной войны. 16 июля здесь открывается Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество.

В работе Конгресса примут участие представители около ста стран мира. К его голосу не могут не прислушаться правительства. Воля миролюбивых народов должна заставить их прекратить «холодную войну» и сесть за круглый стол, для того чтобы мирным путем решить спорные вопросы.

Редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду участников движения сторонников мира, в том числе к известным писателям с просьбой поделиться на страницах газеты своими мыслями в связи с Конгрессом Народов.

Сегодня мы публикуем ответы, полученные редакцией.

1958

ИЮЛЬ

16
СРЕДА

Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество.

Отвести руку смерти

от всего живого!

Петруса БРОВКА,
писатель

Стокгольм звал в душу человечества. Великий клич мира, произнесенный здесь в свое время, облетел земной шар и в миллионах подпрыгнул волнистыми волнами против войны.

Ряды сторонников мира неизменно выросли с той поры. К голосу их все больше и больше прислушиваются, но и сегодня опасность войны еще не исчезла — злые люди, угрожая жизни на земле, размахивают атомной бомбой. Люди доброй воли должны отвести руку смерти от всего живого. Вот почему Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество привлекает такое огненное внимание.

С большим волнением я еду в Стокгольм, ибо верю, что лучшие люди, представители всех континентов земного шара, найдут на Конгрессе пути, чтобы отвратить ужасающие бедствия, нависшие над человечеством сегодня. Мне, представителю Советской Белоруссии, пережившему на своем веку несколько войн — и особенно жестокую недавнюю, — хорошо понятны стремления моего народа. Ему, испытавшему неизвестные бедствия, войны не надо. У него много хороших неотложных дел! Только недавно уехал он с площадей и улиц своих городов руины и возвигнул красавые, светлые здания, но ему хочется сделать их еще величественнее. Вновь заплумели урожайные поля и зацвели сады возле хат. Но народная мечта хочет видеть ее еще богаче и красще. Песни счастливой детворы наполняют родной простор, и хочется, чтобы они звучали еще веселее и звонче.

Я знаю, что такие желания не только у белорусского народа. И я еду на Конгресс с большой верой в успех великого дела.

МИНСК

Растет стремление к миру

Денис ПРИЧАРД,
английский общественный деятель

Этот Конгресс открывается в обстановке острых контрастов и конфликтов на земном шаре. Мы живем в период необыкновенного бурного промышленного, сельскохозяйственного и общественного развития социалистического мира и особенно его двух крупнейших стран. Мы живем также в период спада в основных капиталистических странах. Правящие круги стран капитала, судя по всему, не в состоянии поставить определенный диагноз спаду, сформулировать прогноз или назначить лечение. Существенное снижение цен на сырьевые материалы — классический симптом спада, который всегда приносит неизбежные трудности бедным странам, поставляющим сырье.

Подобное экономическое положение в значительной мере расщепляет капиталистический мир, пугает поджигателей войны, делает их безрассудными и опасными, усиливает угрозу войны в самых различных районах. Обострение положения в Алжире и на Кипре, возможность гражданской войны во Франции и прежде всего опасность новой авантюристической войны в Ливане — этим не исчерпываются примеры, характеризующие нынешнюю ситуацию.

Не удивительно, что в этой си-

туации западные державы прилагают все усилия к тому, чтобы сорвать или, по крайней мере, оттянуть совещание в верхах; избегать или предотвращать соглашение, запрещающее испытание, производство или применение термоядерного оружия; использовать любой предлог для того, чтобы восстановить общественное мнение против всех стран социалистического лагеря. В то же самое время стремление к миру растет повсеместно и движение сторонников мира также становится более мощным и ширится почти во всех странах.

Таким образом, Стокгольмский Конгресс созывается при обстоятельствах, которые в некоторых отношениях очень неблагоприятны, а в других отношениях очень хороши. Опасность войны возросла, когда вооружений не приостановлена, советская инициатива, выразившаяся в прекращении испытаний термоядерного оружия, не была поддержана, в Англии и Западной

Европе создаются ракетные базы, и до сих пор еще не достигнуто соглашение о совещании в верхах.

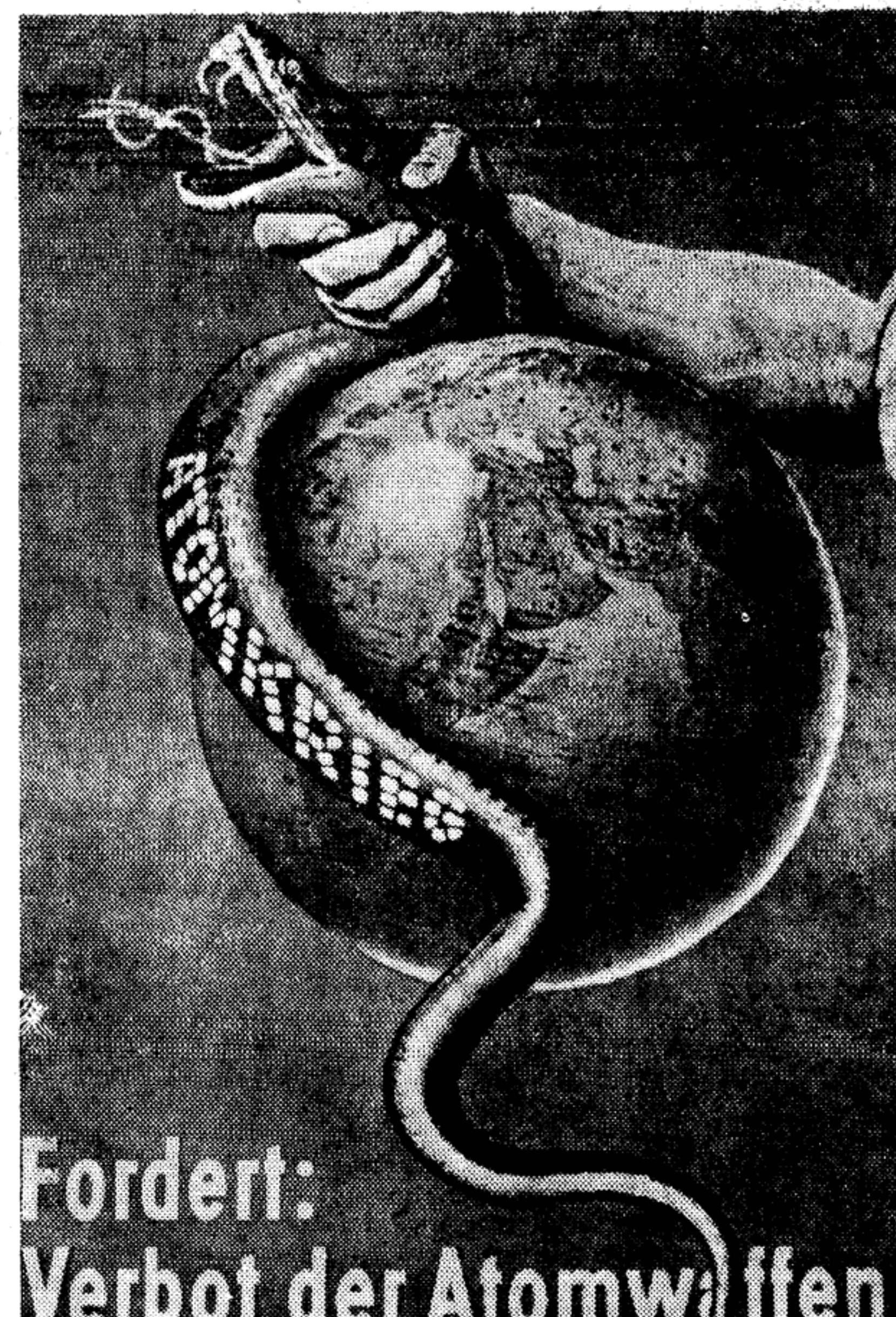
С другой стороны, миролюбивые страны стали сильнее; еще более отчетливым стало всеобщее стремление к миру — все это говорит о том, что всемирное движение за мир стало еще более широким и мощным.

Поэтому перед Стокгольмским Конгрессом открываются большие возможности. Его энергично поддерживает международное общественное мнение. Конгресс может мобилизовать общественность на борьбу против агрессивных тенденций определенных стран таким образом, чтобы заставить провести совещание в верхах и тем самым добиться согласованного отказа от испытания, производства и применения ядерного оружия, сокращения вооружений и ликвидации военных баз, добиться общего ослабления международной напряженности.

Все, кто любит мир, имеют право воззрять грезы наезды на Стокгольмский Конгресс; в то же время они обязаны делать все возможное, чтобы обеспечить его успех.

ЛОНДОН

«ТРЕБУЙТЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ!»

Плакат работы известного немецкого художника Джона Хартфельда

Во имя нужд человечества

Поль РОБСОН,
американский артист
и общественный деятель

Совершенно очевидно, что созданный Конгрессом для разоружения и международного сотрудничества имеет очень большое значение.

Люди самых различных языков должны найти общий язык во имя сохранения мира на нашей планете, во имя спасения человечества.

В последнее время усилия десятков миллионов людей во всем мире свидетельствуют о решимости народов как можно скорее обрести прочный мир.

С каждым днем это ощущается все явственнее в различных частях Соединенных Штатов, где в борьбе за мир ведущее участие принимают многие видные ученые, общественные деятели и мощные организации.

Пожелаем же успеха Стокгольмскому Конгрессу в эти трудные времена, успеха в самоутверженной борьбе народов во имя национальных пушек человечества.

Нью-ЙОРК

Пора сделать шаг вперед

В газете, писавшей южной своей страницы литературой и жизнью и призывающей определять состояния культуры по уровню духовного прогресса, можно и умеет говорить о том, что будет значить предстоящий Конгресс в Стокгольме на чаше весов современной борьбы за отмену агрессивных войн. Тем более это уместно после того, как Советское правительство в марте этого года сделало решающий шаг, торжественно объявило об отказе от ядерных испытаний ядерного оружия.

Еще тысячу лет назад страсть человека к разрушению церковь считала делом дьявола или нечистой силы, хотя и оказывалась при этом неспособной исправлять человеческую душу. История знает о стремлениях правительства и стран ограничить военные действия рамками одинаково сражающихся армий, совершенно исключив отсюда мирное население. Но мы знаем, что в капиталистиче-

ской и империалистической эпохе человечество вновь навязывает тотальную войну, вроде той, например, какую вели византийские армии против живущего Италии народа готов, и которую писатель Прокопий Кесарийский спас от забвения в своем известном описании готской войны.

Открытия силы атомного ядра и овладев ими, наше поколение получило власть над средством уничтожения, сила которого столь велика, что ее поистине можно назвать космической. Сегодня всякий, читающий газеты, знает, что злоупотребления достижениями атомной науки безусловно уже оставляют свои следы в растениях, животных людях; слова, которые ставят под сомнение дальнейшую пригодность нашей планеты для жизни земных существ. Об этом результате своих наблюдений публично заявили тысячи ученых — физиков, врачей.

Благодаря им мы теперь в состоянии прямо задать политическим лидерам крупных государств вопрос: до каких же пор? В Японии, на Тихом океане, в Бал-

же время оно вместе со всемирным фронтом борцов за мир задает вопрос владельцам капиталистических стран: в состоянии ли они отказатьсь от испытаний, в отчаянии которых поистине с детской непосредственностью восторженно описываются гигантские грибы атомных взрывов? В состояниях ли они обузданы безумие тотальной войны, которую провозгласил Фашизм в момент своей агонии, и присоединились к лагерю более разумной части человечества?

Друзья, не пора ли нам сделать шаг вперед? Если бы у нас был международный трибунал, наподобие того, который судил военных преступников в Нюрнберге в 1945 году, мы могли бы, собравшись в Стокгольме, апеллировать к этому трибуналу. Мы представили бы ему наше убеждение, что подготовка к уничтожению человечества путем злоупотребления силой атома есть преступление против гуманности; что это преступление недопустимо, но тем не менее продолжает совершаться, пока продолжаются испытания атомного оружия. Но так

как у нас нет такого трибунала, по крайней мере, албанских преступников и соберем там портреты всех тех, кто не желает прислушаться к разумным предсказаниям.

Существуют сотни задач, способствующих развитию культуры, которыми можно занять «творческую страсть к разрушению». Землю по-прежнему опустошают болезни, миллионы людей по-прежнему живут в квартирах, которые только и ждут, чтобы их снесли; постоянная угроза войны мешает жителям целых континентов учиться и постигать современную технику, чтобы стать членами индустрии, получающей чистильщик сапог или судомойки. Разве сейчас не ведутся снова колониальные войны с целью пропаганды угнетения европейскими странами Северной Африки, Кении, Индонезии? Разве мы не ждем теперь, что южный ветер, приносящий весной из-за Альп, принесет с собой смертоносную пыль, которую поднимут в Сахаре забавы франко-германского союза с ядерным оружием?

Пожалуйте в альбом, господа, вывешайте ваши портреты, преступники против человечества! Вы заставите такого уважения, но лучше не напрашивайтесь!

БЕРЛИН

Пусть крепнет наша дружба!

В ЗВЯ курс на Прагу, скрылся в облачном небе «ТУ-104», а нам все еще видится чудесная картина: радостно улыбающиеся, стоят, дружески обнявшись, товарищи К. Е. Ворошилов, А. Новотный и Н. С. Хрущев.

Да, дружба советского и чехословацкого народов нерушима. Это со всей наглядностью еще раз подтвердили все дни пребывания на земле нашей Родины Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, Президента Чехословацкой Республики Антонина Новотного и других партийных и государственных деятелей Чехословакии.

Яркие выступления товарища Новотного на митингах дружбы в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Киеве и Сталинграде с большим вниманием слушали миллионы советских людей. Все, что рассказывал товарищ Антонин Новотный, вызывало у нас чувства большой радости и гордости за своих братьев, которые решают ныне задачи завершения строительства социализма.

Вслушайтесь в ритм жизни социалистических стран, и вы обязательно уловите ровный и спокойный пульс, ибо народы этих стран, вопреки невежественным и злобным предсказаниям некоторых государственных мужей Запада, капиталистической прессы и радио, все более укрепляют свои силы и могущество.

Мы знаем, что в основе этого могущества лежит единство и сплоченность социалистических государств. «Только на основе единства, сплоченности социалистических государств, единство и сплоченность социалистических стран», — говорил в своей речи на митинге советско-чехословацкой дружбы товарищ Н. С. Хрущев, — страны социалистического лагеря действительно могут добиться полной победы социализма и коммунизма.

Об этом же говорят и строки Коммюнике о пребывании Антонина Новотного в СССР. Мы читаем здесь: «Обе партии будут решительно бороться против всяких попыток нарушить единство социалистического лагеря, которое служит интересам всех народов, сдерживая агрессию империалистических кругов и укрепляя силы мира и прогресса во всем мире. Они будут и впредь расширять и укреплять интернациональные связи со всеми коммунистическими и рабочими партиями, со всем международным революционным движением во имя новых побед социализма и мира».

Не счесть множества нитей дружбы, которыми связаны народы Советской страны и Чехословакии. От всей души мы желаем нашим друзьям — чехам и словакам — новых успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Чехословацкая Республика!

Фото В. Соболева

Спутник над Сталинградом

Со стройки ГЭС мы возвращались ночью.
Над Волгой началась ночь.

Подобно золотому многосточью, звездопад.

Тянуться спаса новый Сталинград.

Все глухе память, меньше очевидцев,

Все больше утишительных легенд.

Вокруг — гостей взволнованные лица.

Задумался усталый президент.

Вдруг кто-то вскрикнул радостно:

— Смотрите! Меж звезд, то робко, то сильней света,

Шел третий спутник по своей орбите —

Победы нашей светлого дитя.

По новым человеческим законам,

Прокладывая трассу в мир чудес,

Он величаво плыл от Волги —

По направлению Сталинградской ГЭС.

Летят советский спутник по всемирной,

Друзьям на радость и врагам на страх,

Заряженный отвагою,

Бессмертной борьбы,

Всех тех, кто пал на волчьих берегах.

Ни объяснений, ни речей не надо,

Будь времени достойна,

жизнь моей,

По молодым проспектам Сталинграда,

Под трассой спутника идут друзья.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ХОЗЯИН ДОЛЖЕН ЗНАТЬ...

А. ЛИТВАК

В ТОТ ДЕНЬ, когда было опубликовано сообщение о том, что Совет Министров СССР рассмотрел программные и организационные вопросы Всесоюзной переписи населения 1959 года и в газетах появился образец переписного листа, я вспомнил, что в период подготовки к первой советской переписи населения было опубликовано специальное обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Вспомнил и разыскал обращение, вышедшее накануне переписи 1920 года, в которой мне, семинаристом летнему студенту, довелось участвовать.

«Ходит старый мир капиталистической эксплуатации, свободы для капиталистов, рабского ярма для трудающихся», — говорилось в обращении ВЦИК. «Хозяином, настоящим хозяином становится самим трудящимся. Они должны быть не просто хозяином, а хорошим хозяином. Хороший хозяин — это, прежде всего, тот, кто знает свое имущество, знает свою полю и леса, свои фабрики и заводы, знает сколько и где он имеет...» Переписи дают именно такое знание. Они обеспечивают нам строительство на основах ходулистического хозяйственного плана. Все трудящиеся, как один человек, должны помочь получить это знание, ибо хозяином и творцом жизни являются сами трудящиеся».

КАКИЕ проникновенные слова о хозяине и творце жизни! Их можно повторить и сегодня, через тридцать восемь лет, когда страна стоит на пороге утверждения новых больших планов.

Мы выписываем эти слова о хозяине из обращения ВЦИК и не можем не напомнить молодому поколению, что при первой и единственной дореволюционной всеобщей переписи населения в 1897 году был среди миллионов переписных бланков один такой, где на вопрос «Занимает главное?» был дан ответ: «Хозяин земли русской»... Этот бланк был заполнен человеком, который тут же сообщил своей фамилии, имя и отчество: «Романов, Николай Александрович»... Составление состояния земли — на этот вопрос был дан ответ: «Император всероссийский»...

«Хозяин земли русской», — написал в переписном бланке последний русский царь, повелитель империи, где меньше четверти населения возрасте свыше девяти лет могли подписать свою фамилию, где было лишь 79 тысяч учеников, 14 тысяч гражданских врачей и всего 4 тысячи инженеров...

Хозяин нашей земли — народ. Он — хороший хозяин, за сорок с лишним лет переустроивший землю, хозяин, который ныне стоит на пороге осуществления новых грандиозных планов.

Народ проводил первую свою перепись еще тогда, когда Советской власти не исполнилось полных трех лет, когда страна еще не вышла из гражданской войны. Эта перепись необходимости была тогда молодому Советскому государству, чтобы на основе ее данных составить государственный план мирного хозяйственного и культурного строительства. В своей телеграмме губисполкомам В. И. Ленин указывал, что данные переписи будут положены в основу советского строительства. Известно, что уже при составлении первого нашего народнохозяйственного плана — плана ГОЭЛРО — использовались материалы переписи 1920 года. «Дело переписи», — указывал В. И. Ленин, — не ведомственное дело, а дело Республики, дело всех советских учреждений».

ДЛЯ ТЕХ, кто не представляет

для себя, насколько огромны, сложны широки выводы, которые можно сделать из пятнадцати вопросов переписного листа, хочется напомнить, что основная публикация итогов Всесоюзной переписи 1926 года состояла, например, 56 томов. Нетрудно представить, что публикации итогов переписи 1959 года будет еще более полной и обильной. Один лишь переписной бланк уже сам по себе способен отразить перемены, происходящие в стране. Вот, например, вопрос из бланка переписи 1926 года: «На каких языках читает и пишет, или только читает, или вовсе неграмотен?»... А вот то новое, что через три десятилетия неизбежно должно было быть внесено в переписной бланк: «Образование: высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, среднее общее, семилетнее, начальное...» Нужно ли приводить

еще один факт, что в это новое, что через три десятилетия неизбежно должно было быть внесено в переписной бланк: «Образование: высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, среднее общее, семилетнее, начальное...» Нужно ли приводить

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Надо сметь!

«Литературная газета» в этом и следующем номерах статьями поэтов Сергея Васильева и Владимира Солоухина начинет предсъездовскую дискуссию о современной советской поэзии и приглашает к участию в этой дискуссии поэтов, критиков, читателей.

ПРИБЫТИЕ республиканских и Все-

сюзного писатель-

ских съездов требует от со- ветских литераторов, в частности от нас, поэтов, откровенного, прямого разговора о своем труде. Что мы имеем в активе, куда идем, в чему тяготим, что необходи-мо сделать для того, чтобы движение вперед было более успешным.

Напробуем припомнить наиболее существенное, совершившееся в поэзии за период между двумя писательскими съездами. Заранее предупреждая читателя, что не беру на себя смелость обозревать всю многонациональную и разноязычную поэзию Советского Союза. Я буду касаться только некоторых поэтов, пишущих на русском языке и работающих главным образом в самых многочисленных — московской и ленинградской — писательских организациях, и лишь некоторых проблем сегодняшней нашей поэзии. Не буду также разбирать поэтическую сатиру и позицию для детей — считаю это задачей, нуждающейся в особом разговоре. Воздержусь пока и от анализа поэтической молодежи: я это собираюсь сделать специально.

И ТАК, что же нового?

Важным событием последнего времени следует признать тот факт, что в нашей поэтической среде, например с именем Владимира Маяковского, стали, наконец, проинсисты с долж-

ным уважением имена двух других выдающихся русских поэтов — Демьяна Бедного и Сергея Есенина.

Конечно, как это всегда бывает при извлечении кого-либо или чего-либо из тумана искусственно забвения, с тем и с другим успели, как говорится, наломать дров: Бедного в основном «воскресили» только как плякательца и фельетониста, не более, а Есенина сделали чуть ли не марксистом. (И употребили выражение «искусственно забвение» не случайно. Спешу пояснить: народ, читатели, библиотекари никогда не забывали ни Бедного, ни Есенина, — забывали их разве только литературными критиками, издателями да мы, поэты.)

Несмотря на известные «завихрения», сам по себе факт обновленного внимания к крупнейшим поэтам очень и очень понравился. Бедный и Есенин — люди разных судеб, совершенно разные поэты. Бедный — ярко выраженный поэт-газетчик, трибун, пропагандист. Есенин — лирик, пейзажист. И тем не менее оба они были близки друг другу — близки своей органической принадлежностью к великому русскому словотворчеству. Глубинные процессы, происходящие в советском обществе после ХХ съезда партии, дают возможность положить на весы справедливые оценки все, созданное двумя большими художниками. И то, что оба поэта, такие как «полиарные» — племянный публицист и интимный лирик — снова в нашем сегодняшнем строю, делает этот факт поистине знаменитым.

Д. Бедный и С. Есенин, горячие патриоты, обладают подлинной, а не мимической силой в народе, отличаются завидным умением говорить с широкими читателями по уши, в совершенстве владеют чисто национальной русской речью. Радостно узнать, что сейчас в производстве

реписи отражено изменение лица страны. Интересно, что итоги переписи будут подсчитываться теперь новыми быстродействующими счетными машинами на центральной машиностроительной станции, о которой подробно рассказывал Георгий Михаилович Максимов, заместитель начальника Управления по проведению Всесоюзной переписи населения ЦСУ СССР. Беда с т. Максимовым помогает уяснить, какая огромная работа предшествует переписи, сколько больших и малых вопросов следовало решить, сколько проблем встает перед организациями переписи, которые обязаны предусмотреть многое. Около полутора лет идет уже подготовка к переписи. Сынки двухсот типографий в стране занято изготовлением печатных материалов переписи.

ТРИДЦАТЬ ДВА

года назад ав-

тор этих строк принял участие в Всесоюзной переписи в качестве корреспондента газеты, сопровождавшей счетчиков.

Была декабрьская ночь 1926 года...

Ты ночь

распахнулась

на Москве людьми

с голубыми папками в руках — на пап-

ках была надпись «Всесоюзная перепись...»

Шли мы с фонарами, свечами в карманах, шли с бывшим Ермаковом и почтмейстером, как одни человеческими руками

и кощуковским

дому, который по-

лучил уже

название «Гагаринский».

Мы находили и

переписывали беспр

и и в мусорных ящиках и на буль

вах, и в подъездах домов, и в вагонах

железных

дорог, и в башнях

нихах

Нынешние

дни

заняты

в работе

всех

машина

и счетчи

ков

и машин

ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ, ТОЛЬКО ОНА!

ТРОЕ коммунистов - подпольщиков при выполнении боевого задания партии — им было поручено уничтожить провокатора, погубившего десятки людей, — напали на полицейскую засаду. Улицы большого города огласились треском выстрелов, обагрились кровью. По коммунистам, преследуя их, вела беспорядочную пальбу делая оправу полицейских, коммунисты же, не желая никого убивать для самозащиты, — партийной организации нужна была только смерть предателя, — стреляли из своих пистолетов в мостовую, по ноги бегущим, или же вверх, в воздух. Это были идеальные люди, настоящие люди партии, и в своем трагическом беге по улицам родного города, когда за ними с волем «Дерки бандитов» началась огромная толпа, они пользовались каждой возможностью, чтобы крикнуть — для всех, могущих их слышать: «Мы не бандиты! Мы коммунисты!»

Тяжело раненных, измученных преследованием, их схватила полиция. Свирипый классовый суд буржуазного государства, несмотря на протесты международной общественности, приговорил всех троих к смертной казни. Напрасным было открытое письмо французских писателей, напрасным было обращение защитников-адвокатов в святоне-президенту, напрасны были напоминания о том, что даже царский суд в одном из подобных случаев проявил известное великолюшие... Объятые злобой и страхом, правители страшили торопились как можно скорее расправиться с теми, кто посяг на их страну, на их власть. Ранним летним утром героям революционной борьбы были расстреляны, вернее, добиты исполнителями казни, — но и в последнюю минуту плачали не усыпали из их уст ничего, кроме возгласов, приветствовавших грядущую свободу.

ЭТО ПРОИЗОШЛО в Варшаве в июле — августе 1925 года, и об этом рассказывает повесть Ванды Васильевской «В борьбе роковой». Все события и фамилии людей в произведении, как указывает писательница, — подлинные. Имена тех, о чьем подвиге здесь повествуется, — Владислава Хибнера, Владислава Еневича, Ежикия Рутковского — принадлежат героям истории Коммунистической партии Польши, как имена ее самотверженных, верных борцов.

Немало мыслей вызывает эта повесть, написанная в строгой, сдержанной, почти протокольной манере — чужой всему внешнему изъявлению пафоса, в той благородной манере, которую писателю подсказывает страх перед его собственным величием, перед опасностью быть излишне и оскорбительно красноречивым...

Повесть о трех коммунистах — это и повесть о партии, революционной партии польского рабочего класса, о ее «рганном и пропетом, пробитом пулями» зна-

— Ванда Васильевская, «В борьбе роковой. Повесть. Журналы «Вітчизна», № 3, 4 и «Знамя», № 4. 1958.

Каменная земля

(На выставке современной югославской живописи в Братиславе)

И, какая, думала в селени здешнем,
Что каждая деревня под Москвой
Была когда-то Лидице умершей
И тоже стала Лидице живой.

Да, быть цветам на землях
плодородных,
Зовущим, ждущим, радующим глаз...
С кем ты заспорил, живописец
модный?

Живому — жить, а мертвым не до нас...

Ты, плачальщик с поддельной
единой,
Что хочешь ты от этой тишины,
Как смешь ты кокетничать
с воином,

Мальчишка, не осиливший войны?

А что, если б тебе натерли рёмы
Плечо, а я за твой солдатский труд
Тебя дала бы каменную землю,
Где никогда цветы не прорастут?

ному значению не становится вропевен с «Березовым соком» С. Щипачева — небольшой, но удивительно задушевной повестью.

Вера Инбер, как и П. Антокольский, помимо горячих публицистических стихов, подарка и стихами, и молодым поэтом очень нужной, скромно и мотивированно изложенной обобщенной историю своего поэтического опыта, приоткрыла свои производственные тайны, полезные и другим. Ее «Вдохновение и мастерство» гордо стоит и много значит: есть чему поучиться! С темпераментной журналистской хваткой, при помощи надежной отборной рифмовки начал свою «Ленинградскую тетрадь» С. Кирсанов. Рассматривая предметы и явления в их революционной развитии, С. Кирсанов, как никогда ранее, проявил хороший историзм в своей новой работе.

Обсоб пристального взгляда заслуживает широко задуманная новая работа Александра Твардовского «За далью — даль». Эпически размалитист, нацеленная в самую гущу наиболее важных событий внутри нашей страны, уже сейчас, в незаконченном виде, изобилующая ценных жизненными наблюдениями, поэма, естественно, находится в центре внимания читателей, любителей поэзии и самих поэтов.

ВОТ с каким богатым перечнем поэтических произведений (причем далеко не полным), в каком множестве звучания «хоровых и разных» голосов идем мы, московские и ленинградские поэты, на встречу двум своим съездам — Всероссийскому и Всесоюзному!

Мне могут резонно заявить: — Хорош Сергей Васильев в роли критика, нечего сказать! Переписали, почти всех похвалили, выразили каждому брату по чарке, каждой сестре по серье... Что же, знают, в поэтических хозяйствах Москвы и Ленинграда все в порядке, все гладко и прекрасно!

Нет, дорогой читатель, далеко не все прекрасно. В том-то и дело, что при всей своей вспышительности картина наших поэтических успехов могла бы быть куда привлекательней и полноценней!

Начну высказывание своих критических замечаний в адрес того, кем только

что закончил перечень поэтических имен. Адресуя свою претензию одному из пра-вофлаговых — А. Твардовскому. Велик в поэтической среде авторитет автора «Василия Теркина», мастера, которого все мы, поэты, в том числе и я, пишущие эти строки,уважаем по заслугам. И все же, положа руку на сердце, не могу не сказать: А. Твардовскому:

— Замыслил книги «За далью — даль», спора нет, замечательен. Но исполнение, судя по отдельным местам опубликованных глав, оставляет желать лучшего. Бросается в глаза незаконность формулировок, «очерковость», расплывчатость. Я подхожу к суждению о поэме «За далью — даль» не как бухты-барахлы. Я кладу на весы все самое драгоценное в изобразительных средствах А. Твардовского: язык, письменно мотивы поэтом народной речи, естественность диалога, шутку и грусть, и драматизм, верно, по-житейски сосуществующие в повествовании и обычно играющие решающую роль при обрисовке человеческих страстей в поэзии Твардовского. Не хочу, чтобы меня обвинили в примитивизме. Я понимаю и принимаю раскованную манеру лирических отступлений и нахожу в них задумчивую исповедь современника. Любуюсь, выражаясь по-Фадеевски, «сподвижными течениями» мысли. Переживаю вместе с поэтом, радуюсь и огорчаюсь. Я все это испытываю, но испытываю до тех пор, пока поэт убеждает меня логикой образа, пока в его повествовании не начинают появляться общие фразы, пока меня как читателя не охлаждает авторская пассивная созерцательность.

А такая созерцательность в «опубликованных главах книги «За далью — даль», в сожалению, можно обнаружить немало. И происходит это, по-моему, потому, что на этот раз Твардовский поте-рил «сюжетный фон», обединив полотно поэм отсутствием живого героя, подменив его обильными рассуждениями от первого лица. Поэт может возразить, сказать, что он сознательно отказался от введения в поэму центрального героя, та-котак, как Моргун или Василий Теркин. Отказался от введения героя и сам встал на его место. Если это так, то следует за-

мени. Только такой пар-

тии, с ее беззаветной ге-

роикой и глубочайшей

Леонид Новиченко

Потом пожертвовал сво-

ей честью. Это доставляло ему радость... но

вдруг понял, что... ве-

ра испрепалась и износилась. И он

ложился талант, честь, старые дру-

жбы и привязанности. Они не могли,

однако, вернуться, как не могла вернуть-

ся наша дни, когда всяческие

хитроумные эмигранты стремя-

ся обогатить партию, поколебать то бес-

пределное доверие, которым пользуется

она в народных массах, изображен-

ий писательницей «частный» истори-

ческий альбом? Так изображает Ворошиль-

ский путь коммунистов, человека, кото-

рый в сегодняшней народной Польше

якобы утратил «святые пламя бурной мо-

лодости». От этих обильных «толкова-

ний» рукой подать до кощунственной

формулы, которую провозглашает один из

персонажей «Восьмого дня недели»

Марека Хласко: «Цинизм — единствен-

ая моральность нашего времени».

А сколько мы слышали, скажем, со ста-

рии еженедельника «Новая культура»

при прежнем руководстве про-

тивниками, подкуренными от ража револю-

ционеров, помогла им выйти мола-

деными из-под

западных

исторических фактов, правила вос-

кражи и обмана

и всевозмож-

ых преступлений

и пропаган-

дистских

и полити-

ческих

ИЗБАВИТЬ МИР ОТ УГРОЗЫ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ!

ПОДОБНО мучему потоку, все шире разливается движение за запрещение ядерного оружия. Десятки, сотни тысяч простых людей выходят на улицы городов, требуя прекращения испытаний атомного оружия, сокращения вооружений, отказа от политики угроз и провокаций.

В АНГЛИИ развернулась небывалая еще кампания, охватившая самые различные слои населения и организации. Единство действий всех организаций и группировок, борющихся за мир, — вот отличительная черта английского движения за мир. На снимке слева: демонстрация священников в Лондоне. На переднем плане — один из руководителей методистской церкви Англии Дональд Сопер и Джек Паттерсон. В руках демонстрантов — венок со словами «Мир».

В ФРАНЦИИ широкие слои народа подписываются под петициями против создания на территории страны стартовых площадок для запуска атомных ракет. На втором снимке слева: сбор подписей в Париже. Плакат гласит: «Подписывайтесь против атомной смерти!».

Завтра в Стокгольме открывается Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество

Григорий АЛЕКСАНДРОВ,
кинорежиссер

На языке дружбы

Силы мира разрушают. Они многое сделали для того, чтобы обуздать силы войны. Но сторонники политики военных авантюристов безудержно раздуваютгонку вооружений и т.д. Разжигая ходунную войну, они пытаются заморозить естественные чувства дружбы между народами. Проводимые западными державами испытания ядерного оружия угрожают человечеству непоправимыми бедствиями.

Галина КИРИЛЛОВА,
артистка

Мне вспоминаются мрачные дни войны. Тревожный отъезд театра из Ленинграда, известие о том, что вражеская бомба разрушила часть здания театра, письма о смерти близких и товарищах-актеров, которые остались в блокированном городе... Это не должно больше никогда повториться! Мы все ответственны

Это не должно повториться!

зато, чтобы это никогда не повторилось! Вот почему я так охотно работаю в Ленинградском комитете защиты мира и вот почему я еду в Стокгольм на Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество.

Важнейшая задача предстоящего Конгресса — разработать методы и средства для того, чтобы решительно покончить с политикой «холодной войны». Конгресс должен обсудить возможности расширения торговли и поощрения культурного и иного обмена между народами. Мы обязаны найти путь к

прочному миру, и я верю, что всеми усилиями применение ядерного оружия в спорах между народами будет исключено, что народы смогут заставить правительства западных стран прекратить опасные для всего человечества ядерные испытания. Должно быть сделано все возможное, чтобы добиться всеобщего разоружения, особенно в области ядерного оружия.

Я верю в успех Конгресса в Стокгольме. Можно не сомневаться, что и на этот раз дело мира одержит еще одну крупную победу!

ЛЕННИНГРАД

Генрих БЕЛЬ

Генрих Бель, немецкий писатель, автор романа «Дом без хозяина».

«Дом без хозяина» — трагедия заброшенного ребенка послевоенного времени, был превознесен как самый значительный талант среди писателей младшего поколения.

Вальтер Иенс жонглировал в своих книгах фаталистическим пессимизмом, однако в конечном счете это удалось Гансу Вернеру Рихтеру, основателю литературной группы «47», которая благода-

рила Гансу Вернеру Рихтеру добре широкую известность, выросла из детских башмаков бульварной литературы, или (как ее было принято тогда называть) «литературы асфальта».

Генрих Бель, изобразивший в своем романе «Он не сказал ни единого слова» повседневную историю терпящей голод и нужду супружеской пары, а в романе «Дом без хозяина» — трагедия заброшенного ребенка послевоенного времени, был превознесен как самый значительный талант среди писателей младшего поколения.

Вальтер Иенс жонглировал в своих книгах фаталистическим пессимизмом, однако в конечном

счете это удалось Гансу Вернеру Рихтеру, основателю литературной группы «47»***.

В своем романе «Разгромленные» он без прикрас нарисовал войну в Италии и гротескную ситуацию в американском лагере для военно-запасных, где после поражения врага антифашисты вынуждены терпеть террор «лагерного гестапо».

Думается, что «фотографизм» тогда был необходимой стадией в отражении исторических событий, на которых заведомо не ждут ответа. Казалось, навсегда миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо не ждут ответа.

Казалось, навсегда

миновали времена, когда существовала сплоченная читательская публика, которая ждала появления литературы действия, позитив-

ности, полной неизвестности, и обаянья бросящиеся в глаза скептицизм и рассудочность, характеризующие эти литературы воскликальных и вопросительных знаков, на которых заведомо